

УДК 343.21(575.2):346.26

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)**

Ч.Н. Сулайманова

Проведен институциональный анализ уголовно-правовой ответственности в сфере предпринимательства по новому уголовному законодательству Кыргызской Республики, которое вступит в силу с 1 января 2019 г. и установит уголовно-правовую ответственность за нарушения, проступки и преступления.

Ключевые слова: новое уголовное законодательство; ответственность; нарушение; проступок; преступление; предпринимательство; экономическая сфера.

**CRIMINALLY LEGAL RESPONSIBILITY IN BUSINESS SPHERE UNDER
THE NEW CRIMINAL LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC
(INSTITUTIONAL ANALYSIS)**

Ch.N. Sulaymanova

The article is devoted to the institutional analysis of criminal liability in the field of entrepreneurship under the new criminal legislation of the Kyrgyz Republic. Since January 2019, a number of normative legal acts have come into force, establishing criminal liability for violations, misdemeanors and crimes.

Keywords: new criminal legislation; responsibility; violation; misdemeanor; crime; entrepreneurship; economic sphere.

Несовершенство уголовного законодательства, регулирующего отношения в сфере предпринимательской деятельности на современном этапе развития, привело к тому, что правовые нормы не в полной мере способствуют повышению эффективности регулирования общественных отношений в экономической сфере и тем самым замедляют процесс противодействия преступлениям в данной сфере.

Так, в рамках реализации указа Президента Кыргызской Республики “О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике” от 8 августа 2013 г. был разработан и принят ряд нормативных правовых актов, имеющих силу закона, в том числе и три основных кодекса, таких как Уголовный кодекс [1], Кодекс о проступках [2] и Кодекс о нарушениях [3]. Все три кодекса объединены тем, что предусмотренные в них деяния носят уголовно-правовой характер и дифференцируются общественной опасностью и объемом причиняемого вреда.

Ныне действующий (до 2019 г.) Уголовный кодекс Кыргызской Республики (далее УК КР) от

1 октября 1997 г. [4] содержит главу 22 “Преступления в сфере экономической деятельности”, которая в свою очередь содержит более 45 составов преступления.

Новый УК КР [1] содержит главу 31 “Преступления против порядка осуществления экономической деятельности”, которая содержит 13 составов преступления: незаконная предпринимательская или банковская деятельность (ст. 211); организация или содержание притона для проведения азартных игр, проведение азартных игр (ст. 212); лжепредпринимательство (ст. 213); организация финансовых пирамид (ст. 214); легализация (отмывание) преступных доходов (ст. 215); монополистические действия и ограничение конкуренции (ст. 216); принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 217); незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 218); рейдерство (ст. 219); незаконное получение информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну (ст. 220); разглашение коммерческой, банковской тайны, тайны налогообла-

тельщика (ст. 221); инсайдерские сделки на рынке ценных бумаг (ст. 222); экономическая контрабанда (ст. 223).

Так, в отличие от действующего Уголовного кодекса законодатель установил уголовную ответственность за совершенно новые деяния, такие как: организация финансовых пирамид, рейдерство. Также ст. 223 нового УК КР имеет название не просто контрабанды, а экономической контрабанды, то есть законодатель должен был обосновать такое нововведение, однако в диспозиции статьи дается понятие контрабанды как перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров или иных предметов в крупном размере, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля либо с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации либо сопряженное с недекларированием или недостоверным декларированием. Возникает вопрос целесообразности введения таких новелл в терминологию, не несущих в себе смысловой нагрузки, если под иными предметами можно толковать и наркотические вещества, и оружие, и другое. Таким образом, идея разделения по объектам регулирования незаконного перемещения различных товаров через таможенную границу теряет свое смысловое предназначение. Так, для правильного применения данной нормы считаем необходимым обращение к научно-практическому комментарию нового УК КР.

В примечании ст. 214 нового УК КР, предусматривающей уголовную ответственность за организацию финансовых пирамид, законодатель дает определение финансовой пирамиде как “создание, использование, эксплуатация или содействие развитию систем продаж, при которых потребитель платит за возможность получения компенсации (дохода), предоставляемой преимущественно за счет привлечения других потребителей к такой схеме, а не за счет продажи или потребления продукции”.

Трудность и в то же время необходимость закрепления уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид отмечали ряд исследователей, таких как В.К. Гавло, В.Ю. Белицкий, М.С. Курина, Г. Смирнов.

Так, В.К. Гавло и В.Ю. Белицкий выделили еще один способ прикрытия деятельности финансовых пирамид – под организацию сетевого маркетинга, в процессе работы которых проводятся семинары, где и привлекаются новые потенциальные жертвы [5, с. 3]. Г. Смирнов в свою очередь отмечает, что организации представляют реальную угрозу экономической безопасности государства, так как

препятствуют притоку капитала в реальный сектор экономики, поскольку граждане инвестируют свои денежные средства в отдельные группы лиц [6, с. 11]. В то же время М.С. Курина резюмирует, что не стоит создателей пирамид делать символом зла, необходимо помнить: спрос рождает предложение, когда люди ищут способы быстро увеличить свой капитал – они его найдут, а помогут в этом финансовые пирамиды. Данную проблему необходимо решать целым комплексом мер: увеличением уровня жизни населения, проведением в СМИ “антирекламы” финансовых пирамид, проведением криминализации данного деяния, т.е. внесением соответствующей статьи в Уголовный кодекс [7, с. 113].

Еще одно новшество в отечественном уголовном законодательстве было продиктовано современными реалиями как следствие безнаказанности лиц, чьи деяния сложно было квалифицировать как преступление по действующему законодательству. Так, ст. 219 нового УК КР предусматривает ответственность за ряд деяний, раскрывающих признаки состава “рейдерства”. Другими словами, рейдерство – не что иное, как противоправный захват бизнеса, зачастую среднего и крупного. Наличие в обществе такой проблемы, как рейдерство, влияет не только на жизнедеятельность предпринимательской среды, но и на инвестиционный климат, и даже имидж страны. Так, под рейдерством, по мнению законодателя, следует понимать такие деяния, как: искажение результатов голосования, либо воспрепятствование свободной реализации права при принятии решения высшим органом управления путем внесения в протоколы собрания, заседания, в выписки из них заведомо недостоверных сведений о количестве голосовавших, кворуме или результатах голосования, либо составление заведомо недостоверного подсчета голосов или учета бюллетеней для голосования, либо блокирование или ограничение фактического доступа акционера, участника, члена высшего органа управления или члена исполнительного органа к голосованию; несообщение сведений о проведении собрания, заседания либо сообщение недостоверных сведений о времени и месте проведения собрания, заседания, голосования от имени акционера, участника или члена высшего органа управления по заведомо подложной доверенности; нарушение, ограничение или ущемление права преимущественной покупки ценных бумаг; создание препятствий при реализации права преимущественной покупки ценных бумаг; иные незаконные действия, повлекшие незаконное приобретение права собственности на долю участия в юридическом лице или установление контроля над юридическим лицом.

Отдельными видовыми объектами законодатель выделил общественные отношения в денежно-кредитной и валютной сфере и отношения в сфере налогообложения, выделив преступления, посягающие на эти объекты, в отдельные главы – 32 и 33 соответственно.

Следующий нормативный правовой акт, также вступающий в силу одновременно с новым УК КР 1 января 2019 г., – это Кодекс Кыргызской Республики “О проступках” [2] (далее КоП КР. – *Сокр. авт.*), целью создания которого являются гуманизация и декриминализация уголовного законодательства. Данный закон, вступая в силу, отменяет на территории КР понятие “административное правонарушение”, однако остается непонятным, отменяется ли тем самым, что было бы логичным, и административная ответственность. КоП КР в свою очередь содержит раздел 8 “Проступки против собственности и порядка осуществления экономической деятельности”. В упомянутом выше разделе законодатель, как и в УК КР, выделил такие видовые объекты, как: порядок осуществления экономической деятельности (гл. 19); общественные отношения в денежно-кредитной и валютной сфере (гл. 20); интересы службы в коммерческих и иных организациях (гл. 21).

Глава 19 КоП КР содержит, как и УК КР, 13 составов, видовым объектом которых является порядок осуществления экономической деятельности, а именно: незаконная предпринимательская или банковская деятельность (ст. 97); заведомо ложная реклама (ст. 98); нарушение правил рекламирования (ст. 99); нарушение правил изготовления или использования государственного пробирного клейма (ст. 100); подделка акцизных марок (ст. 101); производство табачных изделий, алкогольных напитков без акцизных марок (ст. 102); несанкционированное изменение международного идентификатора мобильного устройства (ст. 103); незаконное изготовление контрафактной продукции (ст. 104); нарушение метрологических правил (ст. 105); монополистические действия и ограничение (ст. 106); разглашение коммерческой, банковской тайны, тайны налогоплательщика (ст. 107); нарушение правил привлечения и использования в Кыргызской Республике иностранной рабочей силы (ст. 108); подкуп спортсменов (ст. 109).

И наконец, третий закон, вступающий в силу 1 января 2019 г., – это Кодекс Кыргызской Республики “О нарушениях” [3] (далее КоН КР. – *Сокр. авт.*). Этот нормативный правовой акт так же, как и КоП КР, отменяет понятие “административное правонарушение” и вводит понятие “нарушение”. Идея законодателя заключалась в проведении чет-

кой грани, позволяющей разделять деяния по их общественной опасности и объему причиненного вреда на нарушения, проступки и преступления. Так, КоН КР содержит раздел 7, включающий нарушения, посягающие на общественные отношения в сфере предпринимательства “Нарушения против порядка управления в сфере охраны собственности и осуществления хозяйственной и финансовой деятельности”. Данный раздел состоит из 10 глав: нарушения против порядка управления в сфере охраны собственности (гл. 26); нарушения против порядка управления в сфере осуществления предпринимательской деятельности (гл. 27); нарушения против порядка управления в сфере осуществления банковской и другой деятельности на рынках финансовых услуг (гл. 28); нарушения против порядка управления в сфере проведения расчетов, осуществления бухгалтерского учета и налогообложения (гл. 29); нарушения против порядка управления по регулированию рынка ценных бумаг (гл. 30); нарушения против порядка управления в сфере социального страхования (гл. 31); нарушения против порядка управления в сфере валютного регулирования (гл. 32); нарушения против порядка управления в сфере таможенного регулирования (гл. 33); нарушения против порядка управления в сфере банкротства (гл. 34); нарушения против порядка управления в сфере обеспечения прав и интересов потребителей, стандартизации, метрологии и сертификации (гл. 35).

Как уже было отмечено, гл. 27 КоН КР содержит составы нарушений, посягающих на порядок управления в сфере осуществления предпринимательской деятельности, которая закрепляет ответственность за: нарушение порядка производства и реализации спирта и алкогольных напитков (ст. 203); изготовление, сбыт и хранение спиртных напитков домашней выработки (ст. 204); осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (ст. 205); предоставление недостоверных сведений для получения лицензии (ст. 206); невыполнение требований по занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья (ст. 207); необоснованный отказ в принятии на работу (ст. 208).

Остановимся на таком составе в КоН КР, как лжепредпринимательство (ст. 223), под которым понимается создание в целях извлечения нелегальных доходов или иной имущественной выгоды коммерческой либо иной организации без намерения осуществлять уставную деятельность. В то же время новый УК КР предусматривает состав преступления “лжепредпринимательство” как создание юридического лица без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность,

с целью получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или для прикрытия запрещенной деятельности, если это деяние сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Таким образом, цель законодателя ясна и заключается в разграничении нарушения от преступления в зависимости от объема причиненного вреда. Однако не совсем понятны мотивы установления разных видовых объектов. Так, в новом УК КР этот состав предусмотрен в главе, посвященной защите порядка осуществления экономической деятельности, а в КоН КР – в главе, содержащей нарушения против порядка управления в сфере проведения расчетов, осуществления бухгалтерского учета и налогообложения. Законодатель обосновывает данное решение в примечании к гл. 29 КоН КР, в котором отмечает, что дела о нарушениях, предусмотренных ст. 219–223 Кодекса о нарушениях, рассматриваются уполномоченным органом государственной налоговой службы.

На наш взгляд, остается проблемным вопрос квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе предпринимательской, в связи с их межотраслевой природой. Таким образом, было бы целесообразным в общую часть нового УК КР внести норму, касающуюся правил квалификации преступлений экономической направленности.

Резюмируя изложенный выше институциональный анализ уголовно-правовой ответственности в сфере предпринимательства по новому уголовному законодательству Кыргызской Республики, выражаем надежду, что в отличие от множества принятых законов за период независимости Кыргызской Республики, новое уголов-

ное законодательство будет более эффективным и применимым.

Литература

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 19 (вводится в действие Законом КР от 24 января 2017 года № 10 с 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.kg>
2. Кодекс Кыргызской Республики о проступках от 1 февраля 2017 г. № 18 (вводится в действие Законом КР от 24 января 2017 г. № 10 с 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.kg>
3. Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 г. № 58 (вводится в действие с 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.kg>
4. Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. [Электронный ресурс]. URL: <http://minjust.gov.kg>
5. *Гавло В.К.* Проблемы изучения способов совершения мошенничеств, действующих по принципу “финансовых пирамид” / В.К. Гавло, В.Ю. Белицкий // Российский следователь. 2012. № 1 // Справочно-правовая система “Консультант Плюс”. URL: <http://www.consultant.ru>
6. *Смирнов Г.* Построил пирамиду – отвечай! / Г. Смирнов // ЭЖ-Юрист. 2012. № 42.
7. *Курина М.С.* Проблема привлечения к уголовной ответственности за создание или организацию финансовых пирамид / М.С. Курина // Право: современные тенденции: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2014 г.). Уфа: Лето, 2014. С. 111–113.